

А. Н. Неверов

**ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ГЕОЭКОНОМИКА:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

36

Статья посвящена постановке научной проблемы поиска нового подхода к оценке государства в современной экономической системе. Целью исследования является критический анализ сложившегося к настоящему времени научного представления о государстве и поиск актуального способа описания взаимодействия государств между собой, а также с фирмами и домохозяйствами. В качестве методологии исследования выступают критический анализ, концепция ноосферной экономики и системно-поведенческий подход к изучению экономических процессов и явлений. На основе анализа существующих подходов к пониманию государства и социально-экономической эволюции выдвигается тезис о необходимости разработки специального подхода – поведенческой геоэкономики, под которой понимается выделение государств как однопорядковых акторов на внешнем и внутреннем сегментах экономического пространства. Предложена оценка государств как особого типа экономических агентов, имеющих свои ресурсы и целевую функцию и взаимодействующих с фирмами и домохозяйствами. В качестве вывода сформулирован тезис о том, что разработка поведенческой геоэкономики позволит принципиально изменить существующий научный дискурс относительно роли государства в экономической сфере.

In this article, I formulate the problem of a search for a new approach to the state in the modern economic system. The aim of this research is a critical analysis of the current scientific picture of the state and a search for a new way to describe interactions among states, organisations, and households. The methodology I employ relies on critical analysis, the noosphere economy concept, and the systemic-behavioural approach to economic processes and phenomena. In analysing existing approaches to the state and the socio-economic evolution, I emphasise the need to develop a special approach – a behavioural geoeconomics. It perceives states as single-order actors in the external and internal segments of the economic space. I propose to treat states as economic agents of a special type, which have resources, fulfil a target function, and interact with organisations and households. I conclude that a behavioural geoeconomics will dramatically change research discourse on the role of the state in the economy.

Ключевые слова: государство, агент, актор, поведенческая экономика, поведенческая геоэкономика.

Keywords: state, agent, actor, behavioural economics, behavioural geoeconomics.

Одной из основных проблем современной отечественной науки выступает вопрос о разработке стратегии эффективного развития нашей страны. Текущий и среднесрочный периоды развития мировой экономической системы объективно детерминируются процессом структурной перестройки мирового хозяйства, затрагивающей все его уровни — от индивидуального (наноэкономического) до странового и надгосударственного. Сегодня уже очевидны те тенденции, которые мы предсказывали в рамках концепции ноосферной экономики начиная с 2005 г.: а) исчерпание традиционных источников рентабельности; б) кризис культуры потребления; в) недостаточность критериев экономического благосостояния для оценки качества и уровня жизни; г) рост взаимозависимости экономического развития стран; д) вытеснение труда человеческим капиталом и особыми требованиями к индивидуальным компетенциям и т. д. [5—7].

В этой связи требуется разработка принципиально новых аналитических и теоретических инструментов оценки и реализации экономической политики России, выходящих за привычные дихотомии догоняющего / опережающего развития, модернизации / инновационного пути и т. д. По нашему мнению, реализация данного варианта позволит в долгосрочной перспективе создать механизм, минимизирующий существующие в настоящий момент противоречия между различными инструментами экономической политики, между основными игроками на рынке институтов, а также достичь баланса интересов большинства участников экономических взаимодействий как внутри страны, так и в общемировом экономическом пространстве.

В качестве первого шага на этом пути необходимо уточнить систему уже выявленных в науке индикаторов и обеспечить обнаружение вызовов и действий агентов-конкурентов на максимально ранней стадии.

В современной науке принято решать данную задачу двумя основными способами:

1) путем выделения различных уровней экономического пространства (глобальный, макроэкономический, мезоэкономический, микроэкономический, наноэкономический уровни), на каждом из которых определяются агенты, реализующие те или иные формы активности (от государств-стран до индивида);

2) путем выделения на основе принципа методологического индивидуализма исключительно уровня индивидуальной активности с переходом на социально-экономические системы как специфические пространства индивидуальных действий.

Оба подхода не позволяют выявить специфические интересы и действия страны в качестве действующей единицы в едином многополярном экономическом пространстве, находящейся в различных взаимодействиях и функционально-целевых связях как с другими странами — экономическими агентами, так и с индивидуальными деятелями, группами и организациями. Развитие технологий цифровой экономики и переход к многополярному миропорядку окончательно переводит всех этих, разных по масштабу, экономических агентов на общий уровень

взаимодействия и взаимовлияния, обуславливая глобальный характер происходящих в едином мировом экономическом пространстве процессов [10].

В рамках изучения глобальных процессов выделены и установлены различного рода циклические колебания (Н. Д. Кондратьев, Л. Мизес, С. Кузнец, А. Л. Чижевский, Й. Шумпетер, С. Ю. Глазьев и т. д.). Однако для решения задачи стратегического планирования необходимо четкое моделирование системы факторов и оценка степени их воздействия на переход от одной фазы цикла к другой. Наиболее долгосрочными циклами, как известно, выступают цивилизационный и технико-экономический, взаимодействие тесно связано с изменениями в институциональной структуре (А. И. Агеев, Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец, С. Ю. Глазьев, Н. Д. Кондратьев, О. Шпенглер и др.). В основе каждого из них лежит комплекс поведенческих и экономико-психологических механизмов, изучению действия которых, к сожалению, в настоящее время в российской науке уделяется недостаточное внимание. Это находит свое отражение и на уровне принятия государственных решений.

Так, внедрение принципов институционального проектирования и, в широком смысле, постулатов нового институционализма в практику государственного развития РФ в 2000-е гг. породило феномен «институциональной чехарды». В свою очередь, последний существенно снизил потенциал инновационных и просто активных действий домохозяйств и фирм в экономике [8, с. 68]. Учет экономико-психологических и поведенческих механизмов, лежащих в основе действий всех групп экономических агентов, мог бы уменьшить негативные последствия подобных решений.

Принципиальной на этом пути выступает разработка новых концептуальных оснований стратегического экономического поведения стран в качестве экономических агентов. Это направление научной работы мы обозначили как поведенческую геоэкономику.

Современное состояние исследований в рамках проблемы фундаментального обоснования стратегического экономического поведения стран можно подразделить в соответствии с отмеченной актуальностью на две группы: 1) теории социально-экономической эволюции и концепции экономической деятельности, решающие онтологическую группу проблем; 2) методологическая группа, направленная на решение гносеологических проблем.

В рамках первой группы к наиболее используемым в настоящее время относятся такие концепции и теории, как концепция экстерналий экономического роста (в том числе концепция устойчивого развития, или третьей промышленной революции). Данный подход активно разрабатывает проблему негативного воздействия экономического развития на окружающую среду и человека, приводящего к возникновению экологических проблем. Предлагаемая нами концептуальная рамка ноосферной экономики согласуется с тезисом этого подхода о наличии непланируемого результата в любой экономической активности, а также с положением о существовании трансформирующего воздействия экономики на окружающую среду [6].

Помимо этого продолжает активно разрабатываться концепция технико-экономических сдвигов (Н. Д. Кондратьев, У. Росту, С. Ю. Глазьев, Г. Менш, О. С. Сухарев, К. Перес и др.), стремящаяся увязать научные исследования и макроколебания экономической системы, а также предложить удовлетворительную концепцию периодизации технико-экономического развития. Целью данных исследований выступает обеспечение возможности более достоверного и имеющего больший горизонт прогнозирования социально-экономических достижений. В то же время практически все используемые объяснительные схемы исходят из определения научного знания как изначально экзогенного по отношению к экономической системе. В отличие от указанных концепций, мы предлагаем в основу анализа стратегического поведения государств положить допущение о том, что научная деятельность в качестве вида человеческой активности по мере развития экономических отношений последовательно переходит от экзогенного экономического фактора в эндогенный, детерминированный развитием самой экономической системы. Как мы уже отмечали ранее, завершение этого процесса мы наблюдаем в настоящее время (период 2009–2022 гг.) [6].

Отдельную группу теорий развития экономических агентов составляет теория эволюционной экономики (Р. Нельсон, Дж. Уинтер, В. И. Маевский и др.), тесно связанная с институциональной экономической теорией. В рамках этой теории основным методологическим постулатом является знаменитая триада Ч. Дарвина «наследственность, изменчивость, отбор» [3], а акцент ставится на перенесении биологических и социально-психологических закономерностей и категорий в экономическую теорию. Предметом исследования и основной детерминантой эволюции при этом выступает эволюция институтов (системы правил, норм и привычек). В рамках данного подхода государство де-факто рассматривается как генератор институтов, дизайнер экономического механизма и одновременно как институт. При этом само развитие государства (страны) понимается именно как эволюция формальных и неформальных институтов. В то же время де-факто за пределами анализа остаются сами экономические агенты (индивиды, домохозяйства, фирмы и государства).

Последнюю проблему стремится решить поведенческая экономическая теория (О. Азар, Д. Ариэли, М. Альтман, Дж. Акерлоф, Д. Канеман, Р. Шиллер и др.), ставящая перед собой задачу экспериментальной и эмпирической проверки моделей экономического поведения и экономического агента. На этом направлении мировой и отечественной наукой накоплен существенный пласт эмпирических и экспериментальных данных об индивидуальном экономическом поведении.

Достаточно глубоко проработаны на эмпирическом уровне монетарные установки и отношение к деньгам (О. С. Дейнека, М. Ю. Семенов, С. Ли, Т. Тьжка и др.), воздействие эффектов восприятия на принятие экономических решений (Д. Канеман, А. Тверски, М. Алле,

Э. Брендшаттер и др.), а также данные о налоговом поведении (Э. Кирхлер, С. Мюхельбахер, К. Гангл и др.), феномене доверия и социального капитала (Дж. Гоулман, А. В. Белянин, В. П. Зинченко, А. Б. Купрейченко, А. Н. Татарко и др.), субъективном экономическом благополучии и многих других экономико-психологических феноменах.

Однако в своей концептуальной основе вышеуказанные исследования зачастую исходят из взаимоисключающих методологических оснований, используют трудно соотносимые между собой методы, а самое главное — большинство из них направлено на верификацию и опровержение поведенческих предпосылок неоклассической экономической теории (антитезис). В связи с этим затрудняются сопоставление и проверка выявленных в различных исследованиях фактов, а также их конструктивное обобщение (синтезис). Предлагаемый нами подход, обозначенный как поведенческая геоэкономика, способен, по нашему мнению, выступить концептуальной рамкой для обобщения и соотнесения полученных данных.

Развитие теории поведения нелинейных систем, неравновесной термодинамики и связанных с ними теорий и концепций в физике и химии вернули в повестку дня гуманитарных и социальных наук вопрос о природе социально-экономических изменений и роли в этом процессе психических свойств, явлений и феноменов. В частности, в рамках экономической науки активно развивается направление «новый эволюционный синтез» (П. М. Аллен, Дж. С. Викен, Дж. Бьюкенен, В. Ванберг и др.), претендующее на формирование единого междисциплинарного взгляда на мир, «преодолевающего разрыв между естественными и гуманитарными науками» [13, р. 110]. В отечественной науке данные проблемы с разной степенью успешности разрабатываются Р. Н. и Л. П. Евстигнеевыми, М. С. Мокием, Е. А. Ерохиной; на уровне экономического поведения — в рамках корпускулярно-волновой концепции Т. В. Огородниковой, а также представлены в ряде других работ. Сторонники указанного подхода методологически исходят из работ И. Пригожина и И. Стенгерс, опираясь на теорию хаоса и самоорганизации [9]. Ключевым моментом является тезис о том, что социально-экономические и социально-психологические изменения детерминированы микроскопическим разнообразием, любая типизация и классификация которого приводит к неоправданным упрощениям и тем самым к росту вероятности ошибки в осуществлении долгосрочного прогнозирования в этой сфере. Противостоит данной точке зрения так называемый «неоклассический синтез» и связанные с ним теории, исходящие из детерминистической картины социально-экономических изменений и концепции равновесия. В итоге одной из точек методологического разлома современных гуманитарных наук выступает дихотомия между радикальным субъективизмом и не менее радикальным механицизмом социально-экономических процессов.

С появлением технологий 3D-принтинга, био- и генной инженерии и другими достижениями фундаментальной науки и, самое главное, их практически моментальным усвоением социально-экономической си-

стемой совершенно очевиден факт становления научно-технических изменений в качестве эндогенного элемента социально-экономического развития. Трансформация моделей социализации, увеличение средней продолжительности жизни, возрастание уровня инфантилизма и спонтанной агрессии у детей и подростков, а также возникновение новых видов зависимостей (кибер-, мобильной и т. д.) свидетельствуют о том, что научно-технические изменения оказывают прямое и не всегда позитивное воздействие и на гуманитарную сферу, на самого человека. Таким образом, становится необходимым рассмотрение научно-технического прогресса, деятельности человека как носителя психики и эволюции окружающей среды в качестве единого системного процесса, обладающего нередуцируемой сложностью [1], как обязательного элемента повышения прогностических возможностей современной науки. Решение данной комплексной задачи на сегодня блокируется рядом более частных проблем.

Во-первых, существует проблема увязки в единых моделях психических и социально-экономических переменных и показателей [4], которая имеет как минимум две составляющих: 1) установление экспериментальным путем психических переменных, релевантных эконометрическим моделям; 2) различная природа измеряемых параметров, каждый из которых демонстрирует большую связанность внутри группы [14].

Во-вторых, скорость изменений и условия жесткой технологической гонки делают нереалистичными прогнозы, исходящие из трендов и основанные на экстраполяциях. В настоящее время для компенсации возникающих в данном направлении трудностей активно применяются методы экспертных оценок, наиболее популярным из которых выступают форсайт-сессии – построение мультиагентных имитационных моделей, призванных моделировать поведение реальных агентов. Вторая группа методов является более перспективной при условии перехода от модельных допущений к реальным эмпирическим данным о стратегическом поведении агентов.

В-третьих, инновационное развитие экономики, так же как и выступающее базой для длинных волн Н.Д. Кондратьева и смены технологических укладов развитие науки и технологий, прогнозируется исходя из разных условий, воспринимая друг друга как экзогенные факторы. Существующие периодизации и концепции технико-экономического развития основываются на принципиально случайном характере возникновения прорывных технологий и экспериментально не проверяемых допущениях о психологических предпосылках инновационной активности.

В-четвертых, феноменология социально-экономической эволюции состоит в том, что меньшинство определяет изменение траектории развития всей системы. Это требует адекватного отражения при эконометрическом моделировании, а также соответствующего методологического фундамента.

Таким образом, перед современной наукой остро стоит проблема выработки научно обоснованной методологии стратегического развития страны на основе прогнозирования долгосрочных научно-технических и социально-экономических изменений как результирующего эффекта коэволюционных изменений человека, окружающей среды и социально-экономических отношений в условиях становления многополярного экономического пространства.

При этом проблема анализа стратегии России как экономического агента в условиях многополярного экономического пространства с позиций межуровневого, поведенческого подхода в текущий момент разработана слабо. В то же время в условиях цифровой и глобальной экономики конкуренция между государственными образованиями, транснациональными корпорациями тесно связана с гражданской и экономической активностью индивидуальных агентов, фирм, домохозяйств в рамках единого экономического пространства.

Государство в современной экономической теории традиционно понимается с двух основных позиций:

1) как совокупный общественный субъект (в рамках классической школы политэкономии и немецкой исторической школы), совпадающий по своим характеристикам и показателям с национальной экономической системой (то есть интегрирующий в себе все хозяйство / экономику той или иной страны);

2) как дизайнер экономических механизмов, «ночной сторож», генератор общественных благ, выполняющий функции обеспечения единства правил игры (в неоклассической и институциональной экономической теории).

В рамках первого подхода фактически речь идет о двух векторах сопоставления государств: а) на арене других государств (уровень национальных экономик); б) как совокупного субъекта или социально-экономической системы. Последний вектор сопоставления подразумевает наличие общесистемных взаимосвязей, достаточных для понимания хозяйства определенной территории как социально-экономической системы, то есть наличие определенного рода интегрирующих ее в единое целое функций и / или целей. Первый вектор подразумевает тождественность целей и функций власти определенной страны и ее общестрановых интересов, целей и функций.

Надо отметить, что традиция подобного понимания создает даже определенные лингвистические трудности для обозначения описываемых нами моментов. В русском языке страна и государство на уровне рассмотрения в рамках первого вектора имеют фактически синонимичное значение. Кстати, интересно было бы посмотреть на этот момент с позиций других языков. В настоящей работе мы будем стараться последовательно называть государством только специфического агента, не тождественного ни социально-экономической системе той или иной страны (для этого мы в дальнейшем будем использовать термин «национальная экономика»), ни власти страны как «ночного сторожа» и т.п. — в последнем случае мы будем использовать термины «власть» или «правительство», но не государство.

В то же время в микроэкономической неоклассической экономической теории государство фактически не рассматривается как экономический агент, а его воздействие, которое характерно для реальных микроэкономических процессов считается воздействием, отклоняющим развитие социально-экономической системы от равновесия и снижающим общую полезность. В противовес этому среди оппонентов постулируется наличие так называемых провалов рынка, минимизация которых и входит в функции государства. Тем не менее наличие или отсутствие провалов рынка можно зафиксировать только на макроуровне, что составляет одну из методологических проблем между микро- и макроэкономическим анализом.

В Институте экономики РАН в настоящее время ведется разработка «экономической теории современного государства» [11]. Как постулирует команда разработчиков, главной особенностью подхода, лежащего в основе формируемой теории, является принцип несводимости интересов общества и индивида, взятый из концепции экономической социодинамики [2] и из теории опекаемых благ. Тем самым исходной идеей для построения теории современного государства выступает признание (или утверждение) факта наличия объективных (с экономико-теоретической точки зрения) интересов государства. Эмпирические подтверждения правомерности такой постановки вопроса дают и результаты компартиvistских политологических исследований. В работе У. Хоффман-Ланге на основе анализа данных об оценке ценностей зафиксированы различия между оценкой и поведением лиц, принадлежащих к правительству, оппозиции и основной массе населения, как в странах «со старой демократией», так в «новых демократических странах» [12].

По нашему мнению, эти и ряд других результатов позволяют сделать важный шаг на пути построения подлинно поведенческой модели государства (подчеркнем – не только современного, а любого), что открывает среди прочего и возможности историко-экономического и историко-психолого-экономического анализа поведения государств в различные периоды истории человечества, а также ставит задачу обнаружения точки возникновения государства как агента в цивилизации).

Следующим шагом, как представляется, должна стать разработка принципиально нового комплексного, междисциплинарного подхода к построению стратегии развития страны на долгосрочный период. Особенность постановки вопроса заключается в выделении государства (страны) как особого экономического агента, имеющего свои специфические интересы и в рамках внутренней социально-экономической системы (институциональное проектирование, бюджетное обеспечение, субъектный статус и сохранение идентичности), и в условиях многополярного экономического пространства (обеспечение и сохранение субъектного статуса, успешная конкуренция за человеческий капитал и технологии и т. д.).

Это позволяет выйти на специфический экономико-психологический подход к управлению страной. Традиционно в тех случаях, ко-

гда мы решаем задачу разработки стратегии страны, фактически подразумевается стратегия развития социально-экономической системы (то есть внутреннего пространства) с выделением тех или иных механизмов. Тем самым предполагается системный подход, основанный на том, что государство выступает своего рода агентом внутренних изменений. Мы в рамках настоящего проекта предлагаем подойти к решению вопроса о разработке стратегии с позиции агентного экономико-психологического подхода — то есть к целям, функциям и механизмам обеспечения реализации своих стратегических интересов государством как особым типом действующей единицы. Любое государство (страна) как экономический агент не равно сумме экономических агентов, работающих на территории страны, поскольку каждое домохозяйство, фирма, индивид, общественное объединение в той или иной (но всегда отличной от нуля) степени обладает свободой действий. Насколько можно судить, на данный момент эта постановка вопроса слабо разработана.

Общая идея состоит в выдвижении гипотезы о том, что государство (страна) как экономический агент имеет в первую очередь различные виды ресурсов: институты, когнитивные особенности (менталитет, культура, уровень и содержание развития науки и образования на национальном языке) и территория. При этом природные ресурсы выступают эффектом от территории и развития технологий. С позиции разработки институтов государство — это экономический агент, конкурирующий за привлечение на свою территорию или создание на ней максимального числа эффективных экономических агентов других классов: домохозяйств и фирм. Подобное восприятие России как экономического агента, однотипного с США, Францией, Китаем и другими странами, являющимися конечными собственниками территории и за счет этого имеющими право выступать дизайнерами экономического механизма на ней, по нашему мнению, кардинальным образом меняет фундаментальную рамку анализа.

Мы предполагаем, что в этих условиях страна должна генерировать институты и управлять своим экономическим пространством с целью обеспечения на нем максимальной концентрации экономических агентов при сохранении монополии на базовое институциональное проектирование и физическую территорию. А стратегия страны заключается в поиске и реализации оптимального способа стратегического экономического поведения в конкретных условиях многополярного экономического пространства.

Применение данных методов на основе принципов коммуникативной методологии В. А. Мазилова и исходя из трансдисциплинарного подхода позволит впервые в современной науке выйти на построение моделей динамики психолого-экономических процессов и явлений в рамках эволюции социально-экономических систем, учитывающих неравновесный характер последних и позволяющих отразить процессы соотношения субъектов и систем, а также преодолеть ограниченность постулата об экономической рациональности.

Список литературы

1. Буров В.А. Когнитивные коммуникации в онтологии сложности. Передача неотделимого знания. М., 2014.
2. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М., 2000.
3. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора / пер. с англ. К.А. Тимирязева; под общ. ред. Н.И. Вавилова. СПб., 2017.
4. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Проявление в экономико-психологических исследованиях парадигмальных изменений в психологической науке // Ученые записки Института мировой экономики и информатизации. 2012. Т. 2, №2. С. 21–35.
5. Неверов А.Н. Капитал и диффузия субъектности. Саратов, 2009.
6. Неверов А.Н. Концепция ноосферной экономики. Саратов, 2009.
7. Неверов А.Н. Развитие теории постиндустриальной экономики на современном этапе: дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2005.
8. Неверов А.Н. Уровень адаптивности агентов и эффективность институционально-технологических изменений социально-экономической системы // Экономические системы. 2014. №1. С. 67–70.
9. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / под общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М., 1986.
10. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М., 2009.
11. Рубинштейн А.Я., Славинская О.А., Бураков Н.А. Патернализм и инвестиции в производство опекаемых благ: научный доклад. М., 2018.
12. Хоффман-Ланге У. Ценностные ориентации и поддержка демократии среди элитных и массовых групп в новых и старых демократиях // Сравнительная политика. 2012. №3 (9). С. 4–24.
13. Allen P.M. Dynamic models of evolving systems // System Dynamics Review. 1988. Vol. 4, №1–2. P. 109–130.
14. Cummins R.A. Personal income and subjective well-being: A review // Journal of Happiness Studies. 2000. №1. P. 133–158.

Статья подготовлена в рамках проекта МД-6461.2018.6 «Стратегия России как экономического агента в условиях многополярного экономического пространства» (грант Президента РФ для поддержки молодых российских ученых).

Об авторе

Александр Николаевич Неверов – д-р экон. наук, проф., Центр психолого-экономических исследований ПИУ им. П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Россия.

E-mail: psychecon@gmail.com

The author

Prof. Alexander N. Neverov Center for Psychological and Economic Research, P.A. Stolypin Volga Institute of Management, RANEPА, Russia.

E-mail: psychecon@gmail.com